

Русский
толстый
журнал как
эстетический
феномен

Последнее обновление: 01.11.2009 / 01:53

Обратная связь: zhz@russ.ru

Все проекты ЖЗ:

[Новые поступления](#)

[Афиша](#)

[Авторы](#)

[Обозрения](#)

[О проекте](#)

Поиск

Опубликовано в
журнале:

[БИностранная
литератураі 2001,
є3](#)

Жан-Филипп Туссен

Месье

**Роман. Вступление и перевод с французского И.
Радченко**

[версия для печати \(9728\)](#)

Ъ Л Ц Ы І

Месье

Роман

Жан-Филипп Туссен. Вступление и перевод с французского И. Радченко

От переводчика

Опубликованный в 1985 году первый роман Жана-Филиппа Туссена "Ванная комната" произвел настоящий фурор и сразу сделал автора мировой знаменитостью: книгу наперебой расхваливали критики различных направлений, в том же году она была переведена на три десятка языков и экранизирована (фильм по своему второму роману "Месье" Туссен ставил уже сам и в настоящее время занимается преимущественно кино).

Ж.-Ф. Туссен, бельгиец по происхождению, блистательно образованный эстет, любивший похвастаться тем, что в шестнадцать лет завоевал титул чемпиона мира по скрэблу, стал тогда лидером целого направления молодых писателей, среди которых Франсуа Бон, Бертран Визаж, Жан Эиноз, Патрик Древе и другие.

Литературоведы поспешили окрестить это направление "новым 'новым романом'", тем более что большинство упомянутых авторов печатались в том же издательстве "Минюи", давшем сорока годами раньше жизнь 'новому роману'.

Кстати, патриарх этой школы Ален Роб-Грийе в своей книге "Последние дни Коринфа" называет произведения Туссена в числе немногих, на его взгляд, великих, которые он разбирает на семинарах по французской литературе с американскими студентами.

"Новый 'новый роман'", безусловно, дитя старого, и все же нетрудно заметить между ними разницу в целое поколение. Романисты эпохи постмодернизма менее всего склонны ломать традиционные структуры, напротив, они восстанавливают сюжет и иллюзию правдоподобия.

Название третьего романа Туссена "Фотоаппарат" вступает в полемический диалог с эстетикой "нового романа", формировавшейся под сильным влиянием кинематографа. Литературное творчество, по Туссену, есть, подобно фотографии, заведомо обреченная попытка зафиксировать вечно ускользающее мгновение, остановить бег времени. Его романы состоят из коротких (от полутора страниц до одного слова) фрагментов, разделенных пробелами, или паузами. В этих паузах между стоп-кадрами и течет то самое время, которое невозможно поймать, и

пульсирует не поддающаяся фиксации жизнь. А вот персонажи в кадре преимущественно статичны. Минимум движения, минимум слов, и в этом они похожие на писца Бартльби из одноименной повести Г. Мелвилла, отвечавшего на любые предложения: "Предпочел бы отказаться". По сравнению с туссеновскими речью, персонажей Беккета кажутся многословными и эмфатическими. Не случайно за упомянутой группой писателей закрепилось также название "минималисты" - термин возник в американском искусстве конца 60-х. Представители этого течения (оно называлось еще "холодным искусством" и "буквализмом") стремились достичь эффекта наипростейшими, "минимальными" средствами, скажем, создавая инсталляции из разложенных металлических прямоугольников или гладких, вертикально поставленных параллелепипедов. Однако теории теориями, а язык Туссена, безукоризненно правильный и вместе с тем парадоксальный, полный скрытого юмора, заставляет нас забыть о литературоведческих "измах" и просто с удовольствием читать его небольшие, и в самом деле минимальные по объему, романы.

В тот день, когда Месье приступил три года назад к исполнению своих новых обязанностей, ему предоставили - отличная мысль - персональный кабинет на шестнадцатом этаже башни "Леонардо да Винчи". Кабинет был просторным и с приличным потолком. Сквозь голубоватое стекло широкого окна открывался вид на город. Толстое дымчатое стекло покрывало письменный стол, расположенный на расстоянии вытянутой руки от двух совершенно одинаковых металлических шкафов и вмещавший шесть ящиков с обеих сторон. Кресло - Месье в этом походе убедился - вращалось.

В последующие дни Месье почти целиком посвящал утреннее время наведению порядка в кабинете. Один за другим он освобождал шкафы, вытряхивал на ковер содержимое ящиков. Он сортировал и методично выносил за дверь, на лестничную площадку, полиэтиленовые мешки со старыми газетами и целые кипы журналов. Книги своего предшественника сложил в коробки, а вместо них разместил на полках собственные папки.

Понемногу он обживался. На второй день принес электрическую кофеварку, подключил ее к единственной розетке, помещавшейся в углу за вешалкой, и временно установил на коробке с книгами. Кофеварка варила превосходный кофе и долго сохраняла его горячим. Каждое утро он выпивал чашечку-другую, посетителей тоже угощал.

Месье легко вписался в коллектив. При всей своей замкнутости он не чурался разговоров в коридоре и, потупив глаза, слушал, как коллеги обсуждают тот или иной животрепещущий вопрос. Потом извинялся, что вынужден их покинуть, и беспечной походкой удалялся к себе, обтирая небрежной ладонью коридорную стену.

Случалось, еще до обеда Месье спускался в большой застекленный холл на первом этаже, просто так. Обогнув стойки регистраторш, он направлял стопы в кафетерий, где покупал пакетик чипсов с паприкой, например, почему бы нет, и, открыв его на ходу, еще некоторое время прохладился. Останавливался перед профсоюзными стендами и, будучи с историей рабочего движения на "ты", задумчиво читал объявления, надкусывая хрустящие ломтики. Затем разворачивался, пересекал холл в обратном направлении, прихватив по пути несколько рекламных проспектов, некоторые из них проглядывал наскоро в ожидании лифта, остальные же клал на банкетку.

Дважды в неделю на полочке для почты Месье ожидала пачка еженедельников и специальных, экономических и финансовых, журналов. Он приносил их к себе в кабинет, просматривал, пролистывал, на иных статьях делал пометки тонкой ручкой марки "рётринг", другие вырезал и складывал в пластиковые папки.

Во второй половине дня Месье, что греха таить, снова спускался в кафетерий. Поддернув складки брюк, усаживался поудобней и заказывал маленькую пива. В эти часы затишья первый этаж, как правило, пуст. Со своего места он видел большой аквариум, где в прозрачной воде перемещались неизменно спокойные существа. В кафетерии почти никого не было. Только девушки из регистрации болтали за соседним столиком, ели мороженое ассорти и попивали кофе.

Если, возвращаясь наверх, Месье встречался в лифте с генеральным директором, то спрашивал, какой ему этаж, и нажимал за него соответствующую кнопку. Поднимаясь, оба разглядывали стенки кабины, но в разных местах. Месье смотрел вниз. Директор же поигрывал брелком. Изредка они перебрасывались фразочками, уместными, само собой. Директор, скрестив руки, внимательно слушал Месье и, судя по лицу, напряженно пытался вспомнить, с кем говорит.

По четвергам директор собирал всех руководящих работников компании, и Месье в их числе. В холле на этаже кнопками прикреплялось объявление, извещавшее о времени заседания, место же оставалось неизменным: прямоугольный зал, в котором все пространство занимал овальный полированный стол. Против каждого стула собравшихся ожидали пепельница и бювар. Месье усаживался на семнадцатое место слева, где, как показывал опыт, его присутствие оставалось максимально незаметным, позади мадам Дюбуа-Лакур, курировавшей значительную часть его дел и оттого отвечавшей на большинство обращенных к нему вопросов, сам же он, спокойно покуривая, на протяжении всего совещания норовил держаться в ее тени, откидываясь назад, когда отодвигалась она, и подаваясь вперед, когда она наклонялась, - чтобы не высвечиваться. Если же генеральный произносил его имя вслух, Месье удивленно вытягивал шею, почтительно кивал и отвечал лаконично, сухо, точно, профессионально. Раз-два и готово. Потом снова прятался за соседку, только пальцы у него слегка дрожали. Совещания продолжались обычно чуть меньше часа. Когда директор наконец вставал, объявляя заседание закрытым, все поднимались вслед за ним, надевали пальто и расходились группками (вы не видели моих "гаванитос"? - суетилась Дюбуа-Лакур, - такая красная с золотом пачка...).

Дюбуа-Лакур заходила иногда к нему в кабинет с папками в руках. Месье предлагал ей сесть, благодарю вас, говорила она, закидывая ногу на ногу, и протягивала ему бумаги, затем кратко излагала содержание некоторых из них и обращала его внимание на другие в самых общих чертах. Уточнив кое-что напоследок, она оставляла его в одиночестве. Дюбуа-Лакур никогда не подвергала сомнению, и он был ей за это признателен, серьезное отношение Месье к работе. Такое впечатление, будто вы всегда сидите сложа руки, дружески замечала она при случае и проницательно добавляла, что это как раз и есть свойство истинных тружеников.

Когда на прием к Месье являлись посетители, секретарша уведомляла его звонком. Месье поджидал их, сидя за рабочим столом или, лучше, стоя в задумчивости перед широким окном и поправляя галстук. Они входили, он предлагал им кофе. Неторопливо помешивая ложечкой в своей чашке, он приглашал их сесть и, уставившись на собственные пальцы, выслушивал с готовностью. Если попадались среди них деловые, такие, которые, покрываясь испариной, все-таки приходили опять и требовали на сей раз фактов, цифр, "конкретики", он сулил им таблицы или еще

эти, как их там, графики. И, закрыв за ними дверь, всерьез задумывался.

Эх, люди, люди!

Раз в неделю Месье играл вечером в футбол в недорогом спортивном зале. В раздевалке он держался особняком. Переодевался неторопливо. У него была красивая экипировка: красная футболка, полотняные бермуды, кеды на толстой подошве. Он выходил на поле последним и начинал разогреваться под внимательными взглядами десятка девиц в тренировочных костюмах, которые наблюдали за игроками из-за боковой и обсуждали каждого. Во время матча, когда подавали угловой у ворот противника, Месье, игравший в защите, устремлялся во вражеский стан и норовил в прыжке ударить по мячу головой. Эй, длинный, давай назад, кричал тренер, спортивная звезда в ауте. Месье пожимал плечами и трусцой возвращался на место, не спуская глаз с поля.

Месье не больно-то любил особей, подобных себе. Нет, не любил. В тот вечер, например, когда он вывихнул запястье, он читал газету на автобусной остановке, поставив спортивную сумку у ног. Какой-то тип, стоявший рядом, обратился к нему с вопросом. Поскольку увлеченный чтением Месье не отвечал, тот счел уместным с робкой улыбкой вопрос повторить. Опустив газету, Месье задумчивым взглядом смерил этого месье с головы до ног. Тогда тот подошел вплотную и грубо его толкнул. Месье потерял равновесие и со всего маху стукнулся рукой о металлическую стойку остановки.

В ту пору у Месье была невеста.

Да, да. Надо думать, ее огорчило, что он пришел под вечер с увечьем. Она принесла из кухни ведро со льдом, велела опустить в него руку и погладила Месье по голове, утешая, как маленького. Пока он снимал часы, она уселась на ковре по-турецки, затем, надеясь разрядить атмосферу, тем более что Месье не предпринимал никаких шагов в этом направлении, набросала, в соответствии с приметам, которые он указал, портрет того типа с остановки и повесила у входной двери.

Невеста в тот вечер отнеслась к нему с пониманием, поставила у себя в комнате раскладушку и всячески старалась поддержать его в таком деликатном деле, как объяснение с ее родителями. Супруги Паррен, показавшиеся ему при первом знакомстве людьми скорее добродушными, нависли над ним в дверях. Месье сидел на постели, опасаясь, как бы они на него не обрушились; желая оправдать свое присутствие в их квартире, он настойчиво, с расстановкой уговаривал их войти в его положение. Но они его едва слушали. Они хотели одного: выяснить, это их сильно заинтриговало, почему дочь повесила на дверь портрет их друга Карадека.

На другой день ранним утром Месье тихонько крался по коридору и наткнулся на мать невесты в ночной рубашке: на ее заспанном лице читалось недоумение, словно она не помнила, как сюда попала. Чтобы помочь ей сориентироваться, Месье лаконично напомнил ей свое имя и поздоровался, вежливо потупив глаза и уставившись, таким образом, на ее живот, внизу которого просвечивало утреннее благолепие высшей пробы. Хорошо спали? - спросила она, прижав руку к плечу и стараясь держаться к собеседнику в профиль. Месье покачал головой: нет, и показал опухоль на запястье, вырвавшуюся под покровом ночи. Она покосилась на его руку, пролепетала что-то неразборчивое насчет больницы и рентгена и добавила, ускользя бочком, что воду надо спускать очень аккуратно (учту непременно, ответил Месье).

Проблуждав некоторое время по квартире, где расположение комнат то и дело заводило его в тупик, Месье явился на кухню опрятный, в костюме цвета ночной синевы и темном галстуке. Он поддернул брюки и без лишних церемоний опустился на стул. Родитель сидел за столом в одной майке, курил и искоса на него поглядывал. Невеста, по последним сведениям, еще спала. Спит так спит, они с мадам Паррен решили начать завтрак без нее. Желая произвести хорошее впечатление, Месье, несмотря на распухшую руку, сам поднялся и налил себе вторую чашку кофе.

Мадам Паррен не сняла ночной рубашки, но поддела вместительные трусики, так что просвечивала теперь только грудь, чем Месье и пришлось удовлетвориться за кофе. Родитель же, затушив сигарету в блюдце, попросил позволения осмотреть его кисть - из чистого любопытства. Он достал из футляра очки, долго прилаживал их на носу, потом велел Месье присесть на пол, положить руку к нему на колени и расслабиться. Когда Месье уселся, как требовалось, Паррен стал неуверенно ощупывать запястье, затем снял очки и с озабоченным видом заключил: рентген необходим, поскольку иначе ничего не видно.

Месье прекрасно знал, что рентген - пустяковая безобидная процедура, и поддался бы ей без боязни, когда бы для успешного ее осуществления не надо было ехать в больницу (больницы Месье не больно-то любил). Он снова сел за стол и поинтересовался у Парренов, нет ли случайно врача в доме, желательно рентгенолога. Нет, врача нет, ответили те, за исключением доктора Дувра с третьего этажа. Месье спросил, почему они настроены против доктора Дувра, но мадам Паррен возразила, что вовсе нет, сосед как сосед, и ничего, уверяю вас, между нами никогда не было.

Пока родительница как ни в чем не бывало мыла посуду, Месье, не зная, чем еще заняться на кухне (он уже и так помог убрать со стола свою чашку), порылся в карманах, извлек оттуда какие-то бумажки и принялся поочередно сжигать их над пепельницей, заодно выясняя у мадам Паррен, нельзя ли пригласить доктора Дувра на дом. Вопрос ее несколько раздосадовал, вероятно, оттого, подумалось Месье, что она не в состоянии ответить на него подобающе. Пусть он, Месье, сам ему позвонит да узнает, сказала она.

Телефон Месье не больно-то любил.

Он положил руки ладонями на стол, приподнял один палец, придирчиво осмотрел ноготь так и сяк и, легонько хлопнув по столешнице, вышел из кухни. В коридоре он спросил у Паррена, который направлялся в ванную с инструментами в руках, разрешения позвонить. Когда, позвонив, Месье вернулся на кухню, невеста сидела за чашкой чая и покуривала сигарету. Вы что, знаете телефон доктора Дувра? - спросила мамаша. Нет-нет, охотно поддержал разговор Месье, откуда же нам его знать - просто решил позвонить начальству, чтобы оно не беспокоилось. А я и не знала, что вы работаете, сказала мадам Паррен. И чем же вы занимаетесь? Он коммерческий директор, ответила невеста. Вроде того, подтвердил Месье. Да-да, продолжала невеста, он один из трех или четырех коммерческих руководителей "Фиат-Франс".

Вроде того, согласился Месье.

Какие у вас цены? - любопытствовала мадам Паррен. Что, простите? - переспросил Месье. Какие цены на автомобили? Не знаю, отвечал Месье и постучал пальцами по

столу. Надо бы вам поинтересоваться, сказала она. Если вам угодно, поинтересуюсь, сказал Месье. Так-так. Еще вопросы?

После нескольких минут ожидания в обществе ассистентки доктора Дувра Месье, решившийся все-таки отправиться на прием, очутился в докторском кабинете, просторном, с бежевыми стенами, большим письменным столом и белой простыней на кушетке. Дувр, высокий, стройный, изысканный господин лет пятидесяти, выглядевший весьма элегантно в белом медицинском халате, поднялся навстречу Месье, пожал руку и нет чтобы сесть на место, заговорил о том о сем, надвигаясь на пациента, который вынужден был отступать. Загнав Месье в угол, он, не переставая разглагольствовать, смерил его взглядом, мысленно прикидывая, кто из них двоих выше (эх, люди, люди!). И только потом сел. Положив ладони на стол, он спросил, что случилось. Месье объяснил. По ходу его рассказа доктор Дувр прониклся к нему состраданием и наконец сказал, что сейчас посмотрит руку, если Месье соблаговолит снять пиджак. Осторожно ощупывая запястье, доктор задал ему несколько вопросов, на которые, впрочем, сам и ответил, на одни кратко, на иные подробно, и, предупредив: сейчас нажму на кость и будет больно, - с той же непринужденной любезностью спросил, что Месье делает в жизни. В жизни? - уточнил Месье. Нимало не обескураженный такой скрытностью, доктор Дувр поднял к нему исполненное благожелательности лицо и повторил вопрос, сформулировав его несколько иначе, чтобы все-таки добиться ответа. Месье ответил уклончиво. Интересная работа? - спросил Дувр. Да, мне прилично платят, сказал Месье. Полагаю, я зарабатываю больше, чем вы, добавил он. Далее доктор Дувр уже ничего не спрашивал (возможно, Месье следовало с этого начать).

Спустившись к Парренам, Месье позвонил на работу. Ему ответила секретарша, почтительнейше ее поприветствовав, он попросил отменить все намеченные встречи и передать мадам Дюбуа-Лакур, что появится на следующей неделе. Затем он зашел в комнату невесты, собрал вещи и явился на кухню со спортивной сумкой и атташе-кейсом. Пока он усаживался, мадам Паррен сообщила мужу, что жених их дочери-коммерческий инженер. Коммерческий директор, уточнил Месье. Да. И по связям с общественностью тоже немного, сказал он, но это не самая сильная моя сторона.

Да уж. Осторожно массируя больную руку, Месье сказал невесте, что намерен использовать вынужденный перерыв в работе для поездки на Лазурный берег. Невеста удивилась и спросила, что он там собирается делать, Месье не знал, там видно будет, отвечал он. Еще вопросы? Нет. Отлично. До Канна добрался благополучно. В купе с ним ехал немец, но швейцарский.

В Канне Месье остановился в первом же попавшемся у вокзала отеле. По утрам он отправлялся завтракать в кафе в центре города; он покупал газеты, играл на бегах, накапливая скромные выигрыши, даже иногда строил планы, как поедет в Кань-сюр-Мер, где расположен ближайший ипподром, болеть на трибуне. И так далее, и тому подобное. Например, под вечер, в час аперитива, он играл в бильярд в прокуренном зале кафе с молчаливым старичком, который время от времени прерывал игру и удалялся кушать канестрели. В молодости старичок играл, видать, неплохо, но соперничать с Месье не мог. Нет. Тем не менее они прониклись взаимной симпатией и угощали друг друга аперитивом. А однажды вечером старичок, широкая натура, даже пригласил его поужинать.

За день до отъезда Месье позвонил своему приятелю Луи, у которого была вилла в горах около Ванса. Приятель позвал его к себе и под вечер заехал за ним в Канн на своем "фольксвагене".

Пока они по мокрой дороге поднимались в автомобиле к Вансу, Месье, насупившись, копался в бардачке, надеясь найти сигару, и рассказывал Луи об опыте Шредингера - абстрактном, понятно: кошку помещают в замкнутое пространство, где устанавливают пробирку с цианистым калием и детектор с радиоактивным атомом; в случае расщепления атома детектор запускает механизм, разбивающий пробирку, и умерщвляет кошку (эх, люди, люди!). Но это еще не все. Нет. Вероятность того, что вышеупомянутый атом распадется в течение часа, равна пятидесяти процентам. В задаче спрашивается: жива или мертва будет кошка через шестьдесят минут? Возможны только два варианта, правильно? Ты все-таки поглядывай на дорогу, сказал Месье. Однако, по мнению Копенгагенской школы, кошка через час будет ни жива, ни мертва, с равными шансами выжить или окочуриться. Ты скажешь, можно без ущерба для эксперимента заглянуть и проверить, потому что от одного взгляда кошка не умрет и не оживет, если уже умерла. Между тем, опять же по мнению Копенгагена, один-единственный взгляд коренным образом меняет математическое описание ее состояния, поскольку из ни живой, ни мертвой кошка превратится либо в безусловно живую, либо в окончательно мертвую: это уж как повезет.

В жизни всё так.

То-то и оно. После ужина, поздно ночью, Месье и Луи совершили отрезвляющую прогулку под зонтиком в мокром саду. Они шлепали изящными ботинками по грязи, освещая себе путь фонариком, а впереди бежал хозяйский пес, с виду спаниель, иногда он останавливался, поджидая их, и отряхивался, окутанный снопом света.

На другой день спозаранок, пока Луи еще спал, Месье прошелся босиком по непросохшей лужайке, а затем позавтракал в одиночестве, глядя вдаль. В саду между платаном и засохшей мимозой висел - о искушение! - гамак. Месье не устоял и, подталкиваемый легким ветерком, пустился в плавание, скрестив ноги, с открытыми глазами, следуя мыслями за колебательными движениями своего тела, не забегая вперед, но и не отставая. Иногда он вытягивал руку за голову, касался гладкого ствола платана, тормозил, останавливался полностью, потом отталкивался и снова запускал гамак слева направо, туда-сюда, часами.

После обеда они отправились с Луи за дровами на поляну чуть ниже по склону. Часок-другой попилили и пошли назад. Тяжелые бревна они оставили на месте, маленькие и даже средние ветки взвалили на плечи, а кое-какие потащили волоком. Обратный путь по тенистой, плавно поднимающейся дороге был долог.

Затем наступило время возвращаться в Париж.

Вечерами после ужина Месье частенько играл на кухне в скрэбл с родителями невесты, он сам записывал очки в три столбца на листе бумаги. Разбирательства в отношении орфографии далеко не заходили, поскольку Месье позволял им в спорных случаях справляться по словарю, а если замечал, что они косятся на соседние страницы и тайком подглядывают новые слова, то виду, бог с ними, не подавал. Паррены нашли, что Месье уживчив и предупредителен, и мало-помалу приняли его в свою семью.

Не Месье, а идеальный зять, прямо Поль Гют какой-то.

Впрочем, когда он порвал с невестой, Паррены, возможно, стали испытывать некоторую неловкость оттого, что он продолжает жить у них в доме. Месье, откровенно говоря, не смог бы объяснить причину разрыва. Он, собственно, не очень-то и вникал, помнил только, что количество высказанных упреков показалось ему значительным.

Невеста тем временем, сойдясь с неким Жан-Марком, человеком зрелых лет, дельцом и к тому же женатым, все чаще не ночевала дома, а если случалось ей заглянуть к родителям на ужин, держалась с Месье весьма холодно и отстраненно. А Жан-Марк этот вообще почти с ним не разговаривал, зато с порога, еще не сняв пальто, начинал рассыпаться в любезностях перед родителями, рассчитывая, вероятно, что они закроют глаза на его связь с их дочерью (между прочим, несовершеннолетней).

Месье, со своей стороны, по-прежнему поддерживал со всеми наилучшие отношения. Паррены, например, легко усвоили, что его мало прельщает возвращение в дом брата, и даже не доискивались причин, а наоборот, всячески поощряли его желание снять себе квартиру. По утрам, когда после душа он выходил к завтраку в банном халате, они непременно интересовались результатами поисков, и более того, мадам Паррен простерла свою любезность так далеко, что однажды взяла дело в свои руки и подыскала-таки ему трехкомнатную квартиру поблизости от них.

Новая квартира Месье, состоявшая из трех больших комнат, можно сказать, без мебели, пахла краской. Только в спальне стояли стол, кровать и складные стулья. Прочие помещения пустовали, за исключением прихожей, где он сложил чемоданы, две коробки журналов и портативную пишущую машинку. Вселившись накануне, Месье так ничего и не распаковал, ни к чему не притронулся. Он устроился в шезлонге посреди спальни, света не зажигал. Одетый в серый костюм, белую рубашку и темный галстук - предмет зависти окружающих, он слушал радио и поглаживал себя то по щеке, то ниже пояса, по тем местам, какие попадались под руку, однако от сознания, что он все время у себя под рукой, легче не становилось.

Вот и этот вечер в своей новой квартире Месье также провел без затей, в состоянии, когда отсутствие боли воспринимается как удовольствие, а отсутствие удовольствия как боль, вполне, однако, терпимая. Темно-синий полотняный шезлонг допускал три положения, которые Месье и принял одно за другим от более или менее вертикального до все более и более горизонтального по мере приближения ночи. Когда она пришла, он до предела опустил спинку и, закрыв глаза, плавно отклонился назад чуть не до самого пола.

Часов эдак в одиннадцать в дверь позвонили. Да. Месье широко открыл глаза, словно не верил своим ушам, обвел взглядом потолок, потом поднялся и пошел в коридор открывать. Незнакомый человек, стоя в профиль к нему на темной площадке, сообщил, что они соседи, каковое обстоятельство его, по всей видимости, очень забавляло (эх, люди, люди!). Меня зовут Кальц, сказал он и протянул руку: Кальц. Потом заверил, что он на минутку, обошел Месье и заглянул в квартиру, полюбопытствовав мимоходом, что Месье делает в жизни. Сам Кальц - геолог, минералог, если угодно. Работает в Национальном научно-исследовательском центре. Только что возвратился с отдыха на острове Корфу. Возраст - сорок семь лет. Очень возможно, ответил Месье и предложил ему чего-нибудь выпить, скажем, вина, тем более что ничего другого у него не было.

Сидя на кровати против Месье, Кальц объяснил ему, что, поскольку они теперь соседи, они кучу всего смогут делать вместе, затем, не теряя ни секунды даром,

поведал, поглаживая ладонью покрывало, что задумал написать трактат по минералогии, и тут же пустился в общих чертах излагать содержание. Воодушевляясь от собственного рассказа, он очень скоро стал уговаривать Месье работать вместе с ним; книга уже полностью сложилась у него в голове, говорил Кальц, он знает подходящего фотографа, а также картографа, осталась малость - написать текст, для чего как раз он бы с радостью прибегнул к услугам Месье. Если ты согласишься, добавил он. Месье поглядел на собеседника. Воцарилось молчание, похоже, Кальц ждал ответа, и Месье на всякий случай спросил, сколько времени, по его мнению, займет написание книги. Год, ответил тот. Месье не спеша налил себе еще вина и как нельзя спокойнее признался, ставя бутылку на пол, что не располагает временем и ровно ничего - по меньшей мере - не смыслит в минералогии. Не беда, сказал Кальц и принялся объяснять, что все берет на себя, а от Месье потребуется одно: печатать текст под его диктовку. Подлей-ка мне, пожалуйста, вина, сказал он. Дабы заинтересовать Месье еще сильнее, он намекнул, что авторские права они поделят: треть одному и две другому, и прибавил, что книга непременно будет опубликована, как он полагает, скорее всего, в Штутгарте, далее следовало скромное упоминание престижного научного издательства. И поскольку, похоже, он снова ждал ответа, Месье спросил, не разумнее ли для издания в Штутгарте - ведь вы говорили о Штутгарте, не так ли, - написать книгу по-немецки. Кальца такое соображение нисколько не смутило, он сказал, что их сочинение можно будет потом перевести на немецкий или даже издать во Франции. Так что, по рукам?

Месье не умел отказывать.

Мир минералов, в частности кристаллов, привлекает не только некоторых специалистов, но и все более и более широкую публику. Всякая твердая порода, включая сыпучие, состоит на самом деле из кристаллов, редко видимых невооруженным глазом, и не случайно до начала двадцатого века об их строении мало что было известно. С открытием рентгеновских лучей и опытами фон Лауэ, направлявшего эти лучи на кристаллы и фотографировавшего их отклонение, родилась новая ветвь науки: кристаллография.

Итак, все выходные (в будни Месье работал) Кальц диктовал ему свое исследование. Расхаживая по комнате с папкой в руках или устроившись с удобствами на постели Месье, разложив перед собой бумаги, приподняв очки, серьезный и сосредоточенный, он планомерно воплощал свой замысел. Месье сидел за письменным столом и печатал, время от времени приподнимая голову, чтобы получить необходимые разъяснения. В первые дни Кальц, путавшийся от возбуждения в собственных записях, злился, когда Месье уж слишком часто, как ему казалось, перебивал его вопросами, минералог даже позволил себе поиронизировать, что Месье, дескать, печатает двумя пальцами, но тот быстро и, так скажем, сухо поставил соседа на место - с тех пор Кальц старался диктовать медленнее.

Берилл, mit zwei "л", минерал, содержащий алюминий и бериллий, представляет собой гексагональный кристалл, тогда как топаз, являющийся, как мы уже говорили, силикатом алюминия и фтора, кристаллизуется в ромбической системе. Гранаты, сложные силикаты алюминия и кальция, магния, железа, марганца или хрома, используются в ювелирной промышленности ввиду их кубической сингонии.

Месье не выдержал и обратился к мадам Дюбуа-Лакур.

Услышав, в чем дело (Месье звонил с улицы из автомата, поскольку в комнате у него сидел Кальц), Дюбуа-Лакур поначалу сказала, что надо было ему отказаться сразу, и

посоветовала просто объяснить соседу, что он не может проводить с ним все выходные. Но Месье только обреченно повторял, что ситуация, по его мнению, сделалась совершенно безвыходной. В конце концов она рассердилась и напоследок буркнула раздраженно, что лучше бы ему решать свои проблемы самому.

Нет, не лучше. Положение было пиковое.

Редко встречающееся самородное золото, с незапамятных времен привлекавшее людей великолепными оттенками цвета, кристаллизуется в кубической сингонии. Традиционно считающееся самым ценным из минералов, золото является идеальным металлом, его символика неисчерпаема: у брахманов оно почитается символом знания, у ацтеков - новой оболочкой Земли. Догоня же предпочитают объяснение более духовного свойства, считая золото экстрактом красной меди, символа очистительного огня и вдохновения, о чем свидетельствует слово "sanuya", которое можно перевести на немецкий как "Reinheit", т. е. чистота, и которое происходит от слова "sanu", что означает золото: ZAHB.

Месье счел, что разумнее всего переехать.

Дюбуа-Лакур вызвалась отвезти его посмотреть новую квартиру, которую сама же ему и нашла; а если точнее - то комнату в квартире у ее знакомых. В шесть часов они вместе ушли с работы и спустились в подземный гараж, где между двух бетонных колонн был втиснут ее автомобильчик. Симона запустила на заднее сиденье двух своих собачонок, объясняя попутно, что рассчитывает войти в состав делегации, которую их компания направляет в Японию, потом села сама и перегнулась вправо открыть дверцу Месье. Тот подобрал полы пальто, низко наклонил голову и, скрючившись, полез в машину вперед ногами, вернее ногой. Дюбуа-Лакур тронулась тотчас, Месье еще не успел пристегнуть ремень безопасности, как они уже выкатили на свежий воздух.

Нескоро, очень нескоро они въехали в узкую улочку одного из отдаленных районов. Дюбуа-Лакур притормозила и остановилась перед старинным домом с палисадником, обнесенным оградой. Здесь она его и высадила, снабдив необходимыми указаниями, поскольку и так уже потеряла кучу времени в пробках и идти с ним в квартиру не могла. Месье остался стоять на тротуаре, глядя вслед удаляющейся машине. Когда та скрылась, он пошел дальше по улице. Она была тихой, пустынной. Он прогулялся по кварталу, завернул в кафе, выпил пива, купил сигарет. Потом вернулся назад и снова оказался перед домом.

Как быть?

Аккуратный, тусклый, свежескрашенный фасад. На третьем этаже, куда ему предстояло подняться, все окна были наглухо закрыты, причем два из них забраны железными ставнями. В сумрачном вестибюле Месье разыскал выключатель, потоптался у почтовых ящиков, рассеянно читая фамилии жильцов, потом неуверенно ступил на лестницу. Широкие ступени покрывал ковер, крепившийся тонкими позолоченными стержнями. Дойдя до второго этажа, Месье остановился в нерешительности и, подарив себе последнюю отсрочку, спустился вниз, дабы воспользоваться лифтом.

Массивная, темного дерева дверь квартиры на третьем этаже имела две створки с серебряным молоточком на каждой. Месье легонько постучал и, не услышав ни звука

в ответ, собрался было уйти, но тут у него за спиной открылась другая дверь. Поспешно обернувшись, он принялся объяснять, что хотел бы видеть кого-нибудь из Леганов. Я - Леган, сказал человек в дверях и, впустив Месье в большую темную прихожую, молча посмотрел ему в лицо, после чего пригласил следовать за ним. Они прошли чередой коридоров, затем наискосок через столовую, где вкушала ужин - приятного аппетита, мадам! - престарелая особа, и некоторое время спустя добрались до кабинета, помещавшегося в самом дальнем конце квартиры. Устроившись за небольшим секретером, Леган стал задавать Месье вопросы, поинтересовался возрастом: двадцать девять.

Коротенько перебрав общих знакомых, сводившихся, в сущности, к одной Дюбуа-Лакур (с Симоной я сто лет знаком), Леган объяснил, что если и решился сдать комнату студенту, то, разумеется, не из-за каких-то там тысячи двухсот франков, которые он за нее просит. Полагаю, вы все еще студент? И, предупреждая ответ, Леган заверил Месье, что ни на чем не настаивает. Просто они с женой подумали, что жилец мог бы раз или, скажем, два в неделю консультировать их сына, помогать ему делать уроки. Видите ли, сказал он, задумчиво поигрывая ножом для разрезания бумаги, у нашего Людовика очень широкий круг интересов для мальчика пятнадцати лет. Он и киноман, и эллинист. Но в школе, как бы это сказать, ему трудно приспособиться к слишком жесткой системе, граничащей с принуждением. Второгодник он, заключил Леган и поднялся, чтобы показать Месье отведенную ему комнату.

В комнате царил запах воска и засохшей спермы. Шторы были задвинуты. Темного дерева паркет в полумраке казался черным. Это комната моей матери, пояснил Леган вполголоса. Понятно, прошептал Месье. У стены стояла какая-то старинная штука с зеркалом и тазом, вероятно умывальник. Над кроватью висело распятие и покоились в резных рамках побуревшие от времени фотографии. Леган зажег ночник, открыл шкаф и показал Месье полки, чистенькие, накрытые бумагой в цветочек, прикрепленной кнопками. Некоторое время они смотрели внутрь шкафа, одобрительно кивая, затем закрыли каждый по створке и вышли вон. Ну вот, сказал Леган, если хотите, можете въезжать уже на этой неделе.

Нет.

Месье сказал "нет". Леган взглянул на него без неприязни, заверил, что прекрасно его понимает, в любом случае, прибавил он, время подумать еще есть. Он любезно закрыл дверь и отправился провожать Месье. Они медленно двинулись друг за другом по петляющему коридору, снова прошли через столовую, и все еще ужинавшая старушка с умилением посмотрела им вслед.

Итак, встречаемые в природе кристаллы не всегда идеальны, они имеют дефекты, такие как дислокация, т. е. нарушение порядка упаковки слоев, выявляемые посредством дифракции рентгеновских лучей методом топографии на отдельных участках или же путем анализа изменений интенсивности отражения лучей кристаллом в целом. В эту минуту в дверь позвонили. Кальц в изумлении прервал диктовку и с листочком в руке и легкой досадой на лице повернулся к Месье, вопрошая взглядом, не ждет ли тот кого. Нет, нет. Пойду посмотрю, сказал Кальц и, опережая хозяина, шмыгнул к выходу: наверное, это мадам Понс-Романов, бросил он через плечо и прибавил, что позволил себе попросить ее по возможности заглянуть вечером.

Когда Кальц провел ее в квартиру, мадам Понс-Романов, если, конечно, это была она,

- застенчивая на первый взгляд блондинка в светлом меховом жакете, изящном и вполне к лицу, - осталась стоять в замешательстве посреди комнаты. Кальц пригласил ее располагаться в шезлонге. Она села с опаской, сумочку положила на колени и одарила Месье смущенной улыбкой. Кальц не обращал на нее внимания, он сортировал разложенные на постели бумажки, проглядывал карточки. Через минуту я буду в вашем распоряжении, сказал он, вот только сейчас закончу. Одну за другой он открыл несколько папок, но безрезультатно, пояснил, что не может найти исключительно важный документ, и отправился искать его к себе в квартиру, оставив Месье наедине с мадам Понс-Романов.

Понятия не имея, кто эта дама, Месье поначалу сидел за столом, хотя нет-нет да и поглядывал на нее искоса. Затем, поскольку Кальц не возвращался, он пересел на кровать поближе к гостье, а та, держась в шезлонге чрезвычайно прямо, время от времени вынимала ножку из туфли и, легонько потирая ее о другую, поглядывала на него из-под опущенных век. Месье, отвечавший вежливой улыбкой всякий раз, когда их взгляды встречались, решился в конце концов завести беседу и высказал предположение, что она, должно быть, подруга Кальца. В общем-то, нет, отвечала она, я с ним едва знакома.

Ну-ну. Посидев, Месье поднялся и в ожидании Кальца принялся перечитывать работу. Найдя на странице несколько опечаток, он открыл флакончик с корректорской замазкой, наложил кисточкой там-сям несколько хирургических мазков и подул на листок. Кальц не возвращался; Месье закурил сигарету и, пройдя вдоль шезлонга, протянул пачку мадам Понс-Романов - для пушей непринужденности.

Вернувшись, Кальц извинился, что заставил себя ждать, и, уверенный, будто мадам Понс-Романов известно, зачем они с Месье прибегли к ее услугам, сказал, что готов предоставить любые дополнительные разъяснения - относительно расценок, в частности. Посчитав в уме, он добавил, что для книги в целом вряд ли понадобится более двух десятков карт, а из них только стратиграфические могут, по его мнению, представлять трудность, поскольку, как ему уже доводилось говорить ей ранее, он по-прежнему задается вопросом, нельзя ли на классической хорохроматической проекции вместо традиционных разрезов применять наложение цвета на каждом отдельно взятом участке. Думаю, можно попробовать, согласилась мадам Понс-Романов, обращаясь к Месье.

Месье, со своей стороны, возражать не стал, он стоял спиной к окну и разглядывал Кальца, только теперь заметив, что во время своего продолжительного отсутствия тот вовсе не искал затерявшийся документ, а просто-напросто переодевался. Вместо привычной заношенной куртки с шарфом он явился в элегантном костюме тонкой серой шерсти, белой рубашке и бабочке. В таком наряде он сидел теперь на краю постели, скрестив ноги, и излагал мадам Понс-Романов свои впечатления от ее последней статьи, напечатанной в журнале, издаваемом при участии Национального научно-исследовательского центра, которую он, Кальц, будучи несогласным в деталях, находил весьма содержательной. Затем, не зная, куда девать руки, он встал, поддернул манжеты и предложил пойти к нему выпить аперитив, тем более, проговорил он как бы застенчиво, что шампанское уже охлаждается и он приготовил тосты. Тут он испугался: не хватил ли через край, и поспешил заверить гостью, что ничего, в сущности, и не готовил, а лишь помазал сухарики керлингом и открыл баночку рольмопсов.

Продолжая аргументировать в коридоре свое восхищение статьей мадам Понс-Романов, о которой, если не вдаваться в подробности, он только и мог сказать, что

она содержательна, Кальц приостановился на пороге, галантно пропуская даму, и, целомудренно опустив глаза, некоторое время мечтательно глядел на ее раскачивающиеся бедра, затем догнал ее и - вы позволите? - распахнул перед ней дверь своей квартиры. Они проследовали в прихожую, а Месье, руки в карманах, за ними. Хорошо, что вы тоже пришли, бросил ему Кальц через плечо.

Гостиная, куда провел их Кальц, как видно, только что подверглась грандиозной уборке, имевшей результатом весьма благопристойный беспорядок: очечник, забытый на низеньком столике, раскрытая книга на ручке кресла. Кальц, не успев войти, стал извиняться за хаос в квартире, он захлопнул книгу и поставил ее на полку с такой неподдельной естественностью, что у Месье возникло подозрение, неотретировал ли хозяин этот жест. Не обратив ни малейшего внимания на старания Кальца, мадам Понс-Романов прошла напрямик к окну и, зябко кутаясь в шубку, устремила наружу рассеянный взгляд. Вскоре Месье заметил, что смотрит она, оказывается, на него, точнее на его отражение, и смущенно ей улыбнулся, а затем, когда Кальц объявил, что сейчас принесет шампанское, принялся осматривать библиотеку, где среди книг были выставлены образцы камней, причем наиболее ценные хранились в застекленном шкафу под стеклянным колпаком. Нагнувшись, Месье прочитал названия некоторых пород, машинописные таблички сообщали также об их свойствах и происхождении, потом он отошел и сел. Тогда мадам Понс-Романов неспешно скинула шубку, повесила ее не глядя на спинку стоящего рядом стула, развернулась на сто восемьдесят градусов и, наблюдая за производимым эффектом, плавным шагом направилась к креслу в облегающем шерстяном платье, сквозь которое проступали едва сглаженные очертания старомодного нижнего белья.

В дверях появился Кальц, катя перед собой нагруженный сервировочный столик; с отрешенным видом пересекая гостиную, он спросил у мадам Понс-Романов, когда она полагает приступить к работе над картами, затем поставил ведро со льдом на низкий стол и уселся на диване, перекинув через руку белую салфетку для шампанского. Мадам Понс-Романов объяснила, что в ближайшие дни закончит имеющиеся у нее заказы, один или два, а потом, вот вам слово, непременно попытается изыскать время для их трактата. Месье кивнул и продолжил задумчиво оглядывать негритянские маски и щиты на стенах. Ты, может, шампанское все-таки откроешь, сказал ему Кальц и тут же предупредительно обратился к даме, услужливой рукой указывая на блюдо: рольмопс?

Месье поднялся с неохотой, взял салфетку с руки Кальца, достал из ведра со льдом бутылку не шампанского, нет, а игристого, но виду не подал и откупорил ее на манер реймского, отклонив горлышко от себя и наставив его при этом на Кальца, провожавшего взглядом все его движения. Мадам Понс-Романов, нисколько не прельстившаяся рольмопсом, вдобавок, как выяснилось, не употребляла спиртного, но, желая оказать мало-мальскую честь кальцеву угощению, напомнила, призвав Месье в свидетели, что хозяин, кажется, хотя, впрочем, она могла и ошибаться, и в таком случае это, право же, не имеет никакого значения, говорил о тостах с керлингом. Чуть не забыл, спохватился Кальц и, вскочив поспешно, устремился на кухню, предлагая на ходу заменить ей шампанское швепсом.

Вернувшись из кухни, Кальц сел и стал наливать в бокал для шампанского швепс, не спуская глаз с бурлящих пузырьков, словно бы перед ним был перегонный аппарат, и заодно излагая мадам Понс-Романов основные направления своей работы. Признавшись чистосердечно, что ему все-таки немного неловко предлагать для чтения незрелый плод своих трудов, он осведомился, протягивая ей бокал, не жаждет ли она ознакомиться с первыми страницами текста, и поскольку она, хоть и не жаждала, ничего не возразила по существу, а лишь беспомощно и обреченно развела руками, Кальц послал Месье за рукописью.

Чуть погода Месье явился в гостиную с пачкой бумаг и положил ее на стол. Кальц раскрыл рукопись и, напялив очки, сообщил Месье, небрежно листая страницы, что мадам Понс-Романов пригласила его, Кальца, провести уик-энд в ее загородном доме, где она устраивает прием для друзей, и что она зовет приехать также и Месье, дабы не срывать работу над книгой. Пишущую машинку не забудь, добавил он, приподняв очки. Она у него маленькая и скверная, извинился он перед гостьей, зато легкая.

В день их приезда, под вечер, возле освещенного дома, из которого через открытые окна доносились далекие голоса, Месье с мадам Понс-Романов сгребали опавшие листья в саду. Потом они убрали грабли, навели в сарае порядок и отправились в дом, где она представила ему немолодую пару, а затем, не прерывая беседы, поднялась на второй этаж. Зайдя в свою комнату, она пальчиком оттолкнула Месье и, томно закрывая дверь перед самым его носом, сообщила, что сейчас переоденется - надо думать, в юбку.

Поскольку комната его помещалась этажом выше, а лестница наполнилась гулом шагов, Месье, не зная, куда податься, предпочел остаться на месте; он расхаживал взад-вперед по коридору, а дойдя до лестничной площадки, перегибался через перила и глядел вниз. Потом, испугавшись, что его застанут слоняющимся без цели, взял с полки книгу и сел на укромный стул в углу возле комода. Книгу он положил на колени и открыл для вида, на случай, если кто-нибудь подойдет. Кем-нибудь оказался, разумеется, Кальц, вдруг возникший перед ним в первом классе в костюме, первозданной белизны рубашке и безупречной бабочке; чем ничего не делать, сказал он с головой погруженному в чтение Месье, не лучше ли спуститься к другим гостям. Оторвавшись от книги, Месье поставил ее на место и попросил Кальца подняться с ним наверх, в его комнату, за галстуком, тем самым, "предметом всеобщей зависти", но Кальц ответил, что сойдет и так, и более того, пока они спускались, посоветовал ему вовсе не носить этот галстук, уж больно чудно он смотрелся с желтым свитером.

Супруг мадам Понс-Романов, имевший, по-видимому, какое-то отношение не то к экспорту, не то к импорту и как раз рассказывавший о своих делах, вел разнообразную биржевую и финансовую деятельность, хотя сказать точно, в чем именно она заключалась, не мог никто, включая его самого, если судить по тому, что он говорил. В гостиной перед камином пили аперитив многочисленные друзья Романовых и в их числе две знаменитости: заместитель министра - о существовании такого портфеля Месье и не подозревал - и один американский ученый, еще не прибывший. Когда мадам Понс-Романов, упрятав волосы в целомудренный пучок, спустилась в расклешенной юбке к гостям, ей представили тех, с кем она не была знакома, - вереницу женщин и мужчин, последние при этом вставали. Заместитель министра был человеком суровым, одетым строго, с черными-пречерными зализанными волосами, в толстых роговых очках, за которыми мерцал непроницаемый взгляд, из тех, что ломают карьеры. Он слегка изогнулся, целуя ручку мадам Понс-Романов, скорбным голосом произнес, что счастлив познакомиться. Засим подпернул брюки и с самодовольной полуулыбкой погрузился в глубокое кресло. Во все время аперитива он сидел выпрямившись, чуть склонив голову набок, благожелательно прислушиваясь к разговорам и время от времени поднимая на присутствующих глаза магараджи.

Пока Месье (глаз не поднимая) любовался исподволь качеством кожи собственных ботинок - один из них он, закинув ногу на ногу, ухитрился выставить на свет, - Романов, развалившись в кресле, объяснял со знанием дела, держа стакан виски в руке, хлопавшему глазами заместителю министра, что, по сообщениям журнала "Восток-Запад", беспристрастность которого может подвергнуть сомнению разве что

отпетый коммунист, на территории Советского Союза введен в строй целый ряд новых радарных установок, в том числе в Оленегорске, Печоре, Сарышагане, Ляки и Пушкино. В Красноярске, кажется, тоже, добавил он, чтоб ничего не упустить, в то время как стоявший рядом Кальц, избрав себе в слушательницы пожилую даму, рассказывал ей о своей книге.

Поднявшись после ужина в свою комнату, Месье не стал ложиться. Нет. Он потушил свет и, стоя босиком у окна, некоторое время смотрел в сад, где прямые аллеи перемежались темными лужайками. Потом, когда погас последний огонек и весь дом погрузился во мрак, он открыл окно и, глядя вверх черных крон в небо, тщетно пытался представить себе искусственные спутники, оставляющие сплошной светящийся след.

Месье, он тоже по-своему упрям.

На другой день в саду перед террасой Романовы угощали гостей шашлыками, зажаренными на мангале-автомате. Всякий раз, когда световой сигнал загорался над одной из двенадцати секций прибора, готового, казалось, взлететь под напором скопившегося внутри дыма, Романов, с трудом поспевая за ходом событий, с полотенцем за поясом и вилкой в рукавице, доставал шампур из печи, заменял другим, опускался на колени проверить термостат и неуверенно поворачивал ручку хронометра соответствующей секции. Приготовленный на скорую руку обед подавали - как это мило! - без всякой сервировки. На красновато-коричневой с золотистым отливом скатерти стояли два непритязательных подноса, на одном - приправы, горчицы, корнишоны, перчики, майонезы, соусы беарнские, острые, сладкие, томатные и мадеровые, на другом - тарелки стопкой: всё так запросто, что просто чудо. Кальц сидел на нижних ступеньках лестницы, сняв пиджак и расстегнув ворот. Слегка откинувшись назад, он беседовал с заместителем министра об итальянском кино. Я, знаете, давно уже не был в кино, говорил тот. Феллини, не унимался Кальц, Коменчини, Антониони. Антониони, прибавил он, ах, Антониони. Послушайте, у меня нет времени ходить в кино, отмахивался суровый чиновник. К сожалению, у меня тоже, признался Кальц. Так они жаловались друг другу и все сильнее огорчались и в конце концов надумали бросить работу.

После обеда, обставив замминистра в пинг-понг двадцать один - четыре, Месье с отсутствующим видом перешел на другую сторону стола, лениво везя по нему ракетку, и без всякой охоты предложил чиновнику отыгаться, но тот, чем снова продуть несимпатичному юнцу, наверняка коммунисту, предпочел пойти почитать на солнышке. Когда Месье присоединился к другим гостям, в саду был уже сервирован кофе, кто-то прогуливался по аллеям, кто-то дремал в шезлонге. Тут же рядом мадам Понс-Романов попивала кофе, ах, вот оно что, наедине с Кальцем. Не прилечь ли нам отдохнуть, предложил Кальц, затем поднялся и ненавязчиво двинулся за мадам Понс-Романов след в след.

Супруга замминистра, толстая, элегантно одетая молодая особа, провела всю вторую половину дня на террасе, она сидела в плетеном кресле, подтянув колени к подбородку, и крохотными туалетными щипчиками старательно выдергивала волоски на ногах. Время от времени, устало приподняв голову, она сквозь падавшую на лицо шевелюру осматривала очередного наглеца, осмелившегося ее потревожить, и вздыхала. Нет, она ничего не желает выпить. Нет, она не хочет гулять. Она хочет одного: чтоб ее оставили в покое, у нее еще работы по горло, а лето уже на носу.

Остаток дня после блаженного отдыха Кальц расслаблялся в качалке, читал какую-то

попавшую под руку книжонку, потом закрывал ее, пил апельсиновый сок, курил, наблюдал рассеянно за садовником, подстригавшим кусты роз (из-за соломенной шляпы не сразу распознав в садовнике Месье), и сожалел, должно быть, только об одном: Романов затеял стрельбу по летящим мишеням, отчего он, Кальц, подскакивал при каждом выстреле.

Месье, нашедшего было прибежище среди роз, которые он тщательно обрабатывал секатором, а потом одну за другой черенковал, очень скоро настиг сын Романовых Уго, внезапно проникшийся к нему симпатией и с самого обеда теребивший его, требуя сыграть с ним в пинг-понг. Не зная, как от него отделаться, Месье в конце концов поддался на уговоры матери, замолвившей словечко за сына, и согласился. Даю тебе пять очков форы, приятель, сказал он, беря ракетку. Вы что, смеетесь? - ответил мальчик. Ну хорошо, девять, расщедрился Месье. Широкой души человек. Вы что, смеетесь? - повторил Уго, в пинг-понге я - бог. И действительно, партия получилась жаркой. Месье засучил рукава, снял ботинки. Босой, разъяренный, обливаясь потом (вам следует остановиться, воскликнула мадам Понс-Романов, вы же весь красный), он сопротивлялся изо всех сил. Уго играл технично, гибко, подвижно. Свеча, свеча, гас: такие не берутся. Месье вошел в раж - ну совсем другой человек, - взгляд его был ужасен, он закатал брюки, потом снял часы, чтоб получить секундную передышку. Когда под конец игры он приноровился парировать смэши и выиграл несколько мячей подряд, Уго признал, что в молодости Месье, возможно, и умел играть.

Принимая во внимание вышеизложенные положения, необходимо снова обратиться к симметрии кристаллов, не забывая, что для описания кристаллической решетки достаточно знать размещение атомов в элементарной ячейке, повторением которой путем параллельных дискретных трансляций образуется вся структура кристалла.

Ближе к вечеру они смогли спокойно поработать около часа, уединившись в комнате на третьем этаже. Затем Кальц, собрав бумаги, предложил Месье прогуляться напоследок. Бок о бок они пошли по аллее; Кальц наслаждался воздухом и рассуждал о том, как продвигается его работа, а розоватая вечерняя заря между тем понемногу окутывала дом. Уткнувшись в барьер, отделявший аллею от площадки для стрельбы, они развернулись и лужайкой вернулись к дому, где в окнах уже зажигались огни. Кальц, широко расставив руки и шумно дыша, объяснял, что мечтает жить вот так, за городом, на природе.

Их подвез в Париж и высадил у подъезда замминистра; всю дорогу он сохранял восхитительное спокойствие в пробках, то включая передачу, то снова выключая, тогда как его супруга сокрушалась, зачем они не вызвали отряд мотоциклистов - те расчистили бы им дорогу. Скучавшему рядом с Месье на заднем сиденье Кальцу идея въехать в Париж в сопровождении полицейского эскорта пришла, как видно, по душе: он предложил остановиться немедленно и позвонить из автомата. Вот здесь, вот, тормозите, настаивал он, опершись локтями на спинку переднего сиденья и нависая над водителем, и Месье, знавший, что Кальц всегда добивается своего, не позавидовал на сей раз высокопоставленному лицу (об этом не может быть речи, парировал, однако, тот с неизменной любезностью).

У дверей квартиры, перед тем как попрощаться, Месье поблагодарил Кальца за уик-энд и полез было в карман за ключами, но Кальц пригласил его зайти перекусить и добавил, что приготовил для него сюрприз. Тсс, ни слова больше. Он провел Месье на кухню и, надавив на плечи, усадил на стул. Удостоверившись, что Месье не пытается бежать, Кальц на минуту исчез и вернулся с сюрпризом - фотокопиями эскизов

будущих карт, десятками рисунков и набросков мельчайших кубических сборок, которые он листик за листиком извлекал из красивой пластиковой папки. Предоставив гостю возможность насладиться ими вволю, он достал из холодильника несколько тарелок и серебряное блюдо, на котором слегка скукожившиеся рольмопсы начали буреть в тех местах, куда были воткнуты зубочистки. Затем он разложил приборы, рюмки, тарелки и выставил бутылку божоле. К сожалению, у меня нет штопора, пояснил он, но это не беда, правда ведь, выпьем воды. Месье кивнул, сложил эскизы в папку и сказал, вставая, что штопор принесет.

Месье возвратился не скоро - мог ли он знать, что не следует ему, ох, не следует, заходить домой в тот вечер, - и положил штопор на стол. Кальц полюбопытствовал, не случилось ли чего. Мне звонил брат, ответил Месье. И, замолчав, сел. Что-нибудь серьезное? - тихо спросил Кальц, косясь на штопор. Ничего особенного, сказал Месье, просто он идет сегодня в оперу и просит меня посидеть с его дочками.

Стоя перед квартирой брата, Месье долго-долго звонил, прежде чем кто-то откликнулся. Затем дверь приоткрылась, и молодая особа, собиравшаяся уходить, поинтересовалась, что ему угодно. Месье ей подмигнул и преспокойно направился мимо нее в комнату племянниц. В коридоре его остановила другая девица, предупрежденная первой, и преградила ему путь, пытаясь все-таки выяснить, что ему нужно. Тем временем появился и брат (это ты? привет, сказал он) в смокинге, спросил, как дела, и представил его своим юным спутницам, Анне и Бенедикте, преподавателям философии, как на подбор. Месье поцеловал обеих и, задержавшись на минуту, сладким голосом спросил брата, когда он предполагает вернуться.

У брата (тоже преподавателя философии: не судья человек брату своему) было две дочери, доводившиеся Месье племянницами, две близняшки, по шесть лет каждая. Месье, присмотревшийся к ним за эти годы, научился различать их с первого взгляда. Ты Жанна, говорил он, переводя палец с одной на другую, а ты Клотильда. Да, да, верно, кричали они в восторге. Одна из девочек, Клотильда, была бойкой, смешливой, шустрой, другая вяловатой - в дядю.

Дабы развивать их ум, такой податливый в этом возрасте, Месье, оставаясь с племянницами, не упускал случая поучить их играть в шахматы. Он раскладывал доску на низеньком столике посреди гостиной, садился на ковер по-турецки. Девочки заходили с другой стороны стола, и лица у них делались серьезными. Пока он им объяснял, как ходят фигуры, они стояли рядышком в трусиках и маечках и внимательно его слушали - исключительно сосредоточенные крошки. А ну, не лазить руками в трусы, когда я вас учу, одергивал их Месье.

Уроки не проходили даром, малышки уже освоили ходы. Когда они задумывались, Месье не мог на них налюбоваться: они напоминали ему его самого. Особенно ему нравилось, как хорошо они запомнили, что надо сказать "я еще не хожу", если дотронулся до фигуры и ею не пошел. Пожалуй, это единственное, что их привлекало в шахматах, и Месье даже заподозрил, что они специально касаются всех фигур сразу, лишь бы произнести полюбившуюся фразу.

В тот вечер, когда он зашел в комнату племянниц, они играли с феном, вырывая его друг у друга и пуская струю воздуха под висевшие на стенах плакаты. Месье сел на кровать, не говоря ни слова, но этого оказалось достаточно, чтобы посеять в них смутный страх и отравленная сомнением игра наскучила сама собой. Тогда Месье выключил фен и велел им ложиться спать. А на прощание изобразил, не слишком, впрочем, правдоподобно, вынужденную посадку планера - это их всегда смешило. Мы-

то с вами друг друга понимаем, сказал он. Затем присел у постелей, подоткнул одеяла и расцеловал малышей в четыре щеки. Мы-то с вами друг друга понимаем, да? - повторил он с грустью. Что ты там бормочешь, дядя? Нет, они ничего не понимали.

Самородное золото, встречающееся в природе в чистом виде, часто рассеяно в кварцевой породе золотоносных жил и в сернистых соединениях, таких как пирит, через "и", арсенипирит, пирротин, с двумя "р", и стибин, как слышится.

Полагая, что развеяться иногда полезно, Месье повел раз в субботу после обеда племянниц во Дворец открытий. Он вихрем пронесся по залам, так что малышки не поспевали за ним и семенили далеко позади; время от времени он останавливался перед какой-нибудь витриной, и, используя любую возможность заронить в них разумное и вечное, толковал об основах жизни, представлявшихся девочкам еще большими загадками, нежели ему самому. На улице, по дороге из музея, Месье объяснял, что, когда идешь на восток, твоя скорость прибавляется к скорости вращения Земли, а когда на запад - вычитается. Дядя, купи нам пиццу, сказали они. Пиццу? - вскричал Месье и остановился, выискивая глазами, кого бы призвать в свидетели праведности своего гнева, - пиццу в вашем возрасте не едят. Все, точка. Теперь слушайте. Предположим, человек хочет убежать от себя, чего, кстати, я вам не советую делать, - продолжал он, остановившись посреди тротуара и засунув руки в карманы, а сестренки в одинаковых розовых курточках слушали его, задрав от усердия носы, - как по-вашему, следует ему двигаться на запад или на восток? Они не знали. На восток, сказал Месье, с лукавым прищуром подняв указательный палец, на восток, потому что так время в пути течет быстрее - какой-никакой, а выигрыш, заключил он и зашагал дальше. Пиццу! Подумать только, в их-то лета!

В свободные от печатания вечера Месье лежал на кровати и швейцарским перочинным ножиком фигурно чистил апельсины, превращая их в водяные лилии или кувшинки. Если вынести за скобки редкие мимолетные мысли, которые, не будучи сформулированными, непрерывно растворялись, Месье, даже напрягшись, уже совершенно не ощущал течения времени ни на запад, ни на восток. Прежде он бы с легкостью вообразил, в абстрактной, понятно, форме, две различные субстанции, ничем не связанные между собой: одна неподвижная - это он сам (Месье не любил суеты), другая - обтекающее его время; теперь же у него вызревала мысль, что никаких двух субстанций не существует - есть лишь один мощный поток, беспрепятственно уносящий его за собой.

Греческие термины, применяемые для обозначения внешних форм кристаллов, - ку-ку, ты меня слушаешь? - трудности не представляют, они чрезвычайно просты для понимания и очевидны даже непосвященным, например, пинакоид, от "пинакс" - "доска", обозначает два параллельных ряда, а пентагоногексаоктаэдр, от "гекса" и "окто", обозначает твердое вещество с шестью восемь - сорока восьмью пентагональными гранями.

На следующий вечер Месье - свободу людям доброй воли! - переехал к Леганам.

Хозяин поджидал жильца в прихожей, чтобы с порога познакомить с женой и сыном. Хорошо, хорошо, сказал Месье, озабоченный более насущными проблемами: внизу в такси остались его чемоданы, и кто-то должен был за ними спуститься. Людовик не запрыгал от восторга, нет, но все же поплелся нехотя вслед за Месье, с небрежной лентой помог шоферу выгрузить багаж и в два приема отволол наверх.

У себя в комнате Месье снял с постели кружевное покрывало, сложил вдвое, развязал галстук и растянулся поверх одеяла. Затем он исхитрился без помощи рук сбросить ботинки, и они со стуком грохнулись на пол. Некоторое время он лежал, радуясь тому, что у него больше нет соседа, раскинув руки и не дыша, то есть дыша, но самую малость.

У нас завтра опрос по физике, сказал Людовик от самой двери. Он положил учебник на кровать, прошел, не глядя на Месье, к окну и удрученно в него уставился. Чуть-чуть помедлив, Месье сел, закурил сигарету (его начинало пугать собственное спокойствие) и поинтересовался, по какой теме опрос и что надо повторять. Всякое движение относительно, ответил тот. Месье затянулся, раскрыл учебник и спросил: это что, параграф такой? Разумеется, параграф, сказал Людовик, задач нет.

Да, разумеется, согласился Месье. Он быстро пролистал учебник, нашел указанный раздел и стал читать. Всякое движение относительно. Это заглавие, прокомментировал он, ты хоть понимаешь, что оно значит? Чего ж тут не понимать, ответил Людовик, всякое движение относительно, вчера в классе делали. Значит, так, продолжал Месье, если в некоторой системе отсчета существует движущаяся точка, недостаточно указать, что она находится там-то, надо еще знать, когда она там находится. Таким образом, время, с точки зрения физики, имеет двойное значение: длительности, с одной стороны, то есть промежутка времени между началом и концом наблюдаемого явления, и, во-вторых, даты, то есть времени, когда действие имеет место. Повтори, сказал Месье. Прямо сейчас? - спросил Людовик, не отрываясь от окна. А ты как думал? - ответил Месье. И пока Людовик лицом к окну бубнил, что длительность - это промежуток между началом и концом, а дата - время, когда что-то происходит, Месье бесшумно выскользнул из комнаты и крадучись покинул квартиру. Спустившись вниз и выйдя на улицу, он встал на тротуаре против дома и увидел в окне Людовика, твердящего урок (эх, люди, люди!).

Месье неподвижно стоял посреди тротуара, скрестив руки на груди, и только что не улыбался. А вдруг, увидев Месье перед собой на улице, в то время как тому подобало бы находиться у него за спиной, в комнате, Людовик, у которого голова пойдет кругом, вообразит, что Месье, будучи статичным по определению, мгновенно перемещается в пространстве и что его энергия, подобно жульнической энергии электрона, способна в некоторый момент совершить дискретный скачок, однако предвидеть, когда это произойдет, невозможно, поскольку, по мнению Копенгагена, нет никаких оснований полагать, что скачок осуществится в тот, а не иной момент. Впрочем, Людовик, вероятно, ничего такого не подумает (нет в программе).

Потом Месье слонялся по кварталу, бродил без цели по улицам. Там осмотрел на витрине пластинки, там джемперы и наконец приобрел ботинки. Почему нет? Из магазина он вышел в глубокой задумчивости, купил в киоске на площади газету и зашел в кафе с обувной коробкой под мышкой.

Кафе было почти пустым, Месье облюбовал укромную нишу и сел на потертую, потрескавшуюся бурую банкетку. Затем развернул многочисленные слои папиросной бумаги, в которую были упакованы ботинки, достал их из коробки, надел один на руку и некоторое время разглядывал его в профиль. Потом сложил все, как было, поставил коробку рядом с собой, заказал пива и раскрыл газету. За столиком возле телефонной кабинки сидели двое с потерянным видом, и младшего из них, озабоченно озиравшегося вокруг, Месье заподозрил, еще когда вошел: сейчас пристанет с какой-нибудь просьбой или, хуже того, захочет денег стрельнуть. Тот и в самом деле вскоре подошел к Месье и спросил, нет ли у него чем писать. Месье задумался, закрыл газету

и ответил "нет". Ручка у меня есть, добавил он, но я ее никому не даю, такое у меня правило (правил Месье устанавливал для себя немного, но строго их придерживался). Юноша выглядел таким расстроенным, что Месье все-таки достал ручку из внутреннего кармана пиджака и сказал примирительно, что, если ему дадут бумагу, он запишет необходимое своей рукой. Вот и отлично, обрадовался молодой человек, подсел к Месье на банкетку и позвал пожилого расположиться за столиком напротив них. Тут у нас надолго, пояснил он.

Понимаете ли, продолжал юноша, я студент-историк и пишу работу о лицее города Шартра в период "странной войны". Почему, скажете вы, именно о лицее в Шартре? - спросил он и, не дожидаясь ответа, сам признал, что выбор сделан совершенно произвольно, просто ему хотелось взять за основу конкретный пример, изучить архивы, поехать по местам событий, разыскать, по возможности, живых свидетелей той эпохи. Прибавим к этому, сказал молодой человек, что Шартр находится в департаменте Эр и Луар, префектом которого в 1939 году был Жан Мулен, не правда ли, пикантная подробность? Так вот, разглагольствовал он, для начала я составил список всех, кто учился в лицее Марсо в 1939 году; я всем им направил письма, где сообщал о своем проекте и просил оказать мне содействие, то есть поделиться воспоминаниями, и месье Левассер, - тут он указал на второго собеседника, который, заметив, что его представляют, скромно наклонил голову, - согласился рассказать нам о том, как прошел этот 1939/40 учебный год. А у вас тоже нет ручки? - спросил Месье. Чего нет, того нет, развел руками Левассер.

Итак, начнем, сказал молодой человек. Я хотел бы спросить у месье Левассера, и это будет мой первый вопрос, какие потрясения ожидали лицеистов той памятной осенью 1939 года. Значит, так, сказал Левассер, выпрямляясь на стуле и потирая руки, лично я сдал первую часть выпускных экзаменов еще в июне, устные же экзамены, насколько мне помнится, проводились в тот год не в Париже, а в Шартре, прямо у нас в лицее - такие вот потрясения. Каково было ваше умонастроение? - спросил Месье, постукивая пальцами по столу.

Умонастроение, повторил Левассер и исподволь взглянул на студента - дескать, должен ли он отвечать также и на вопросы Месье; значит, так, заговорил он после того, как молодой человек моргнул в знак согласия, мы думали, что рано или поздно нас призовут. В 1914 году, как известно, был мобилизован весь призывной контингент, включая самых младших, и мы полагали, что с нами будет то же самое. Соответственно, всю зиму мы пребывали в подвешенном состоянии, и только немецкое наступление 10 мая 1940 года внезапно положило этому конец. Я хорошо помню, как в тот день провожал своего друга-чеха на фронт. Когда Гитлер захватил Чехословакию, многие чешские солдаты бежали из страны, и те, что служили в авиации, оказались на воздушной базе в Шартре (не могли бы вы говорить немного медленнее, попросил Месье).

Скажите нам, пожалуйста, месье Левассер, продолжил студент, когда Месье дописал фразу, что именно изменилось после 10 мая 1940 года. Значит так, отвечал Левассер, прихлебывая аперитив, для младших ничего не изменилось, все шло своим чередом. Мы же, наоборот, старались принести пользу, помогали, например, Красному Кресту и пунктам приема беженцев. Благодарю вас, сказал Месье. Так продолжалось до 13 июня, спешил выговориться Левассер, когда все покинули Шартр. Хорошо, хорошо, успокоил его Месье и откланялся.

Вернувшись к Леганам, Месье открыл дверь своим ключом, углубился в коридор, пересек столовую, где заканчивала ужин престарелая дама, что ж, приятного аппетита,

и пробрался к себе в комнату, помещавшуюся в дальнем конце квартиры. Он лег на кровать, скрестил руки на груди и, прислушиваясь к своему размеренному дыханию, в очередной раз удивился собственному спокойствию: ох, не к добру. Ему бы хоть немного поволноваться, понервничать под напором обстоятельств, выпустить пар, иначе, он это прекрасно знал, накопленное напряжение чревато взрывом.

В дверь тихонько постучали. Тихо-тихо. Извинившись за беспокойство, старушка объяснила ему, что потеряла шаль и позволила себе зайти посмотреть, не оставила ли она ее случайно в своей комнате. Я мама Люсьена, сказала она, потупившись, будто произнесла нечто для себя лестное. Наступила тишина: она рылась в шкафу, а он смотрел на нее, приподнявшись на локте, затем она обронила как бы между прочим, что ей так тяжело покидать свою комнату, просто невыносимо тяжело, но Месье, разумеется, тут ни при чем - в необходимости переезда ее убедил сын. Ведь вы учитель, да? - умилилась она напоследок.

С точки зрения физики, чтобы датировать событие, необходимо определить точку отсчета времени и условно принять ее за нулевую. Ты меня слушаешь? - спросил Месье. Да, да, ответил Людовик. Чтобы выстроить последовательность событий во времени, необходимо иметь прибор для его измерения. Например, часы, сказал Месье. Часы? - усомнился Людовик. Часы, глухо повторил Месье. А может, электронный хронометр? - не унимался Людовик. Пойди, пожалуйста, позови отца, сказал Месье (пререкания Месье не больно-то любил).

Легану он объяснил, что все обдумал и комната ему не подходит. Месье искренне сожалел. Как-нибудь в другой раз. Он достал чековую книжку, снял с "ретринга" колпачок и, предупреждая любые возражения, выписал чек за месяц. Затем, вызвав такси, попросил Людовика снести чемоданы и пожелал ему удачи в жизни вообще и на опросе по физике в частности.

В ту самую минуту, когда он приготовился отпереть дверь своей квартиры, на площадку выглянул Кальц и, увидев Месье, сказал, что тот явился кстати, поскольку он, Кальц, как раз к нему и шел. Оказывается, он написал небольшую вступительную заметку к их книге, сущий пустяк, но все же он был бы рад ознакомить с ней Месье, и прежде чем тот успел вставить слово, Кальц, включив на лестнице световой таймер "минутка", принялся читать. Мы ни в коей мере не ставим своей задачей в коротком трактате дать исчерпывающий ответ на рассматриваемый вопрос. Мы намерены лишь сориентировать читателя в соответствии с нашими собственными вкусами и направить его, смеем надеяться, не без пользы, по субъективно избранному нами пути. Превосходно, сказал Месье и захлопнул за собой дверь квартиры, оставив Кальца посреди площадки.

Несколько дней Месье старался избегать Кальца.

В выходные сразу после завтрака, если погода позволяла, он выходил из квартиры, поднимался на верхний этаж и шел гулять. Безукоризненные линии почти плоских, соединенных железными мостками крыш радовали глаз. Когда Месье возвращался с гуляния и спускался на свой этаж, он старался закрыть дверь без шума, дабы не привлекать внимание Кальца.

Единственным человеком, которого Месье встречал во время своих прогулок по весьма, правда, ограниченному периметру, был (если не считать соседа, что однажды утром устанавливал параболическую антенну и, прервав свое занятие, проводил Месье

взглядом) мужчина лет пятидесяти, с проседью; одетый в слегка потертый зеленый вельветовый костюм, с полиэтиленовой сумкой в руке, он медленно ходил взад-вперед, как будто постоянно взвешивал в уме все накопившиеся "за" и "против". Месье держался от него подальше, по правде говоря, он опасался такого рода людей.

Желая повысить уровень жизни, Месье стал брать с собой на крышу стул. Поднявшись на шестой этаж, он вылезал наружу, затем, опустившись на колени, свешивался в люк, вытаскивал стул, после чего устраивался под навесом на площадке, примыкающей к фасаду. И там сидел.

Месье теперь чаще обычного проводил время сидя на стуле. Большого он не требовал от жизни - только стул. Минуты тягостной нерешительности он перемежал простыми успокаивающими действиями. Например, на работе (благо место не пыльное) он неизменно вызывал восхищение секретарш, когда, расстелив помятый носовой платок, чистил на письменном столе апельсин. На Месье с шестнадцатого этажа никто не мог пожаловаться. Мадам Дюбуа-Лакур считала его весьма достойным молодым человеком: спокойный, серьезный, пунктуальный и с высшим образованием.

В часы затишья Месье читал в кафетерии газету. Перед ним по периметру большого застекленного холла зеленели там-сям в цветочницах какие-то растения, то ли фикус, то ли папирус; за круглой стойкой регистрации девушки болтали по телефону. Иногда, прежде чем подняться к себе, Месье огибал стойку - добрый день всем - и останавливался перед аквариумом; засунув руки в карманы, он глядел на рыб и не уставал любоваться движением этих бесстрастных существ по траекториям непостижимой чистоты.

Со временем Месье освоил искусство - не слишком, впрочем, зазнаваясь, даже когда улыбалась удача - возвращаться в кабинет, не вынимая рук из карманов. Он стоял перед аквариумом до тех пор, пока кто-нибудь не подойдет и не вызовет лифт. Двери лифта открывались автоматически, тогда он входил в кабину первым и занимал правый угол в глубине, как можно дальше от кнопок. Обратив к попутчику понурый профиль, он ждал, когда тот спросит, какой ему этаж, а дальше, это уж проще простого, тихим голосом называл цифру.

У себя в кабинете Месье старательно держал веки опущенными, а когда оставался один, так и вовсе - fiat lux - сомкнутыми. Если в ходе беседы с посетителями возникали разногласия, Месье предпочитал не поднимать шума и находил удовлетворение в смаковании собственного молчания, понимая, что только он один и может оценить его по достоинству. Собеседники, впрочем, относились к нему неплохо, некоторые даже не то чтобы захлебывались от восхищения, но все же отмечали у него привлекательные черты, например скупую полуулыбку, поддерживающую его имидж человека, с которым можно договориться.

На рабочем столе у Месье были аккуратно разложены разнообразные предметы: ножички для разрезания бумаги, точилки, калькулятор.

Кондиционер, само собой.

Иногда Дюбуа-Лакур приходила к нему без предупреждения и просила заменить ее на встрече с дилерами, поскольку ей необходимо отлучиться и она не успевает сама их проинструктировать. Ну разумеется, отвечал Месье, он с удовольствием ее выручит, и

еще спрашивал, нужно ли инструктировать их группой или поодиночке. Обычно Месье предпочитал принимать всех сразу; перед тем как встретиться с ними лицом к лицу, он прохаживался по кабинету, сложив ладони под подбородком, и сосредоточивался. Затем приоткрывал дверь и быстро садился за стол, а десяток посетителей внедрялись в кабинет и выстраивались по дуге, готовые его слушать. Так-так, еще вопросы, господа? - произносил он напоследок. Нет? А у дамы? - добавлял он, почтительно склоняя голову перед единственной среди присутствующих особой женского пола, вполне, кстати, привлекательной, хотя смотря на чей вкус (эх, люди, люди!).

Как-то раз после ужина Месье со стулом в руке преспокойно удалился от всего земного на крышу.

Стемнело - это Месье видел ясно. Парижский день иссяк. Вместе с дождем, пролившимся недавно, если судить по серым, блестящим и чуть скользким крышам. Вдали светились окна, улицы внизу казались пустынными. Он придвинул стул к краю карниза, достал из кармана зажигалку, поднял, закуривая, голову и устался в промытое ливнем небо - наугад, куда-то в окрестности Ориона. Месье стоял рядом со стулом и долго-долго смотрел в небеса, погружаясь в них все глубже и глубже, не различая ничего, кроме точек и линий созвездий, и небосвод постепенно превратился для него в гигантскую схему метро, озарявшую ночь. Тогда он сел и махнул от Сириуса - его он находил безошибочно - к Монпарнасу, затем спустился к Севр-Бабилон, а оттуда, задержавшись на секунду у звезды Бетельгейзе, добрался до площади Одеон, куда, собственно, и стремился.

Там, в его воображении, все еще струился давешний ночной свет.

Об Анне Брукхардт Месье, в сущности, ничего не знал. Он видел ее лишь однажды на приеме у Дюбуа-Лакуров. Они проговорили часа два, не больше, уже под конец банкета, сидя на кухне по разные стороны заставленного пустыми стаканами стола, при этом она ела шоколадный торт, время от времени аккуратно отрезая ножичком тонкий ломтик, а он - фруктовый салат, который черпал столовой ложкой и предусмотрительно выуживал из нее грецкие орехи - этот плод всегда вызывал в нем отвращение. Иногда на кухню забегала Дюбуа-Лакур взять в холодильнике бутылку шампанского. Анна Брукхардт и Месье не обращали на нее внимания, они болтали о том о сем, не задавая лишних вопросов, из деликатности, понятно, так что в результате за весь вечер ровным счетом ничего друг о друге не узнали. Нет, они рассказывали всякие забавные случаи из жизни, по очереди, и чем дальше, тем незначительней становились эти истории, так как касались людей, о которых слушающий понятия не имел и с которыми говорящий был едва знаком. Временами кто-нибудь из гостей с бокалом в руке заходил на кухню посмотреть, что там творится, но поскольку там не творилось ничего, посетитель, постояв у стола, уходил не солоно хлебавши со своим бокалом в руке. Так, вдали от праздничного шума и бразильских ритмов, Анна Брукхардт и Месье, заключив союз одними глазами - а от опущенных глаз Месье не ускользало ничто, - все рассказывали и рассказывали разные байки, копались, опершись локтями о стол, в запутанных подробностях событий, ни в коей мере их не затрагивающих. Не успела Анна закончить одну из таких ничем не поучительных историй, чрезвычайно обоих рассмешившую, как в кухню ввалилась целая толпа гостей; ни слова не говоря, они взяли от стола стулья и уселись поодаль возле окна, прихватив с собой стопку тарелок и фруктовый салат. Жуя, они вспоминали об отпуске в Египте и сокрушались, что не могут подкрепить слайдами описания пейзажей, разумеется, грандиозных, а порой и вовсе нереальных (эх, люди, люди!). Посидев еще немного, Анна Брукхардт и Месье все-таки встали и вышли из кухни. На минутку они задержались в коридоре, в темноте обменялись

напоследок анекдотами и замолчали, замолчали совсем, с грустью глядя друг другу в глаза, Месье - прислонившись к коридорной стене, она - положив руку ему на плечо.

Вот, собственно, и все.

Темнота обступила Месье со всех сторон. Он неподвижно сидел на стуле, запрокинув голову, взгляд его тонул в бездне неба, думы устремлялись к изгибу горизонта. Он дышал ровно и мысленно обнимал ночь, всю, насколько хватало памяти вселенной, до самого свечения в основании небес. Так он достиг высшей безмятежности духа, голова его полностью очистилась от мыслей, а сам его мозг стал миром - потому что он так пожелал.

Да. Чего уж тут церемониться.

Посидев еще, Месье озяб, странно, очень странно, подумал он и решился встать; подняв воротник пиджака, он задумчиво побрел назад, волоча сквозь ночь свой стул. Дойдя до люка, он брезгливо опустился на колени, другого выхода не было, и медленно погрузил стул в отверстие. Удостоверившись, что тот стал на пол четырьмя ножками, Месье, опершись руками о край люка, развернулся и заскользил в пустоту, пока не коснулся ногами стула. Затем он закрыл крышку над головой, отряхнул рукава и заново перевязал галстук.

Когда после вечеринки у Дюбуа-Лакуров Месье провожал Анну Брукхардт на стоянку такси, он воображал, шагая с ней по пустынным улочкам, как за разговором вынет руку из кармана, глянет отстраненно на свою ладонь, продолжит естественным образом ее движение и небрежно подхватит спутницу под руку при переходе через дорогу. Они шли рядом, и Месье украдкой озирался, чтобы не пропустить подходящую для перехода улицу. Таковой не попало, а Анна между тем, поднявшись на цыпочки, остановила такси с непринужденностью, которой он мог только позавидовать.

Месье спустился в квартиру, позвонил Анне Брукхардт и пригласил ее поужинать с ним.

Прямо сейчас.

Над площадью Одеон струился ночной свет. От своей встречи с Анной месяц тому назад Месье до боли отчетливо сохранил в памяти именно это - свет над площадью Одеон. Огни светофоров переключались через равные промежутки времени, и все вокруг изменялось. Витрины магазинов прятались за железными ставнями, кинотеатры не работали. Месье стоял посередине площади; в боковую улочку удалялся какой-то мужчина, какая-то парочка пересекала площадь по переходу. Было часа два ночи, может, три, Анна Брукхардт только что уехала на такси.

Она не смогла освободиться в тот же вечер, но на завтра ужин состоялся. Они договорились встретиться в баре большого отеля. Месье приехал раньше и, сидя в широком мягком кресле, разглядывал немногочисленных посетителей, одинаково бледных в тусклом свете зала. Уютное местечко. Солидные мужчины пили аперитив, поклевывали оливки и арахис. Одни читали газеты, другие, те, что были с дамами, сидели молча и чинно. Еще один, перед тем как отпить глоток, обводил взглядом зал. За стойкой бара на стереопроекторе медленно вращалась пластинка, и звучал

тихо-тихо концерт для флейты и арфы.

Месье не удалось поймать такси, и на свидание он ехал на метро. На станции Франклин Рузвельт в вагон вошел молодой человек и торопливым нервным голосом спросил, свободно ли откидное сиденье рядом с Месье; Месье осмотрел упомянутое сиденье, оно было совершенно свободно, нелепо было бы утверждать обратное. Молодой человек сел, поднял воротник плаща. Месье чуть-чуть отодвинулся. Поезд нырнул в тоннель, и они вместе с ним, бок о бок, причем Месье глядел в окно, а сосед смотрел вниз на новые ботинки Месье. На следующей станции молодой человек бросился к выходу, позабыв чемоданчик, и какой-то пассажир схватил его и, чуть не столкнув Месье, вышвырнул вслед владельцу. В самом деле, очень любопытно, сказала Анна Брукхардт, только теперь снимая пальто, поскольку Месье, едва только ее увидел, принялся рассказывать свое приключение.

Не Месье, а кладезь анекдотов.

Бар между тем заполнился людьми и оживился. Не замечавший их до этой минуты официант подошел спросить, что они желают, и они заказали два "бурбона". В ожидании выпивки они сидели молча, изредка обмениваясь смущенными взглядами. В конце концов гарсон все-таки принес виски и поставил на стол блюдечко арахиса. Наклоняясь время от времени над столом, чтобы взять орешек, Анна Брукхардт и Месье по-прежнему хранили молчание, разглядывали отделку стен и изучали меню. Месье, разумеется, мог бы оживить беседу новым рассказом, по крайней мере он обдумывал такую возможность.

В такси по дороге в ресторан они сидели рядом на заднем сиденье и глядели каждый в свое окно; после продолжительной паузы, слово за слово, заговорили о живописи и литературе. Художник - одна из немногих профессий, которые ему по душе, еще он хотел бы быть родителем школьника: одно собрание раз в четверть и никаких хлопот, - или писателем, хотя словам, признался он ей, предпочитает свет (да, пожалуй, именно свет сближает его с миром). Впрочем, как очень уместно заметила Анна - не совсем понятно, правда, к чему, но это и не имело значения, - одно другому не мешает. Ну конечно, ответил он. А дальше, когда такси прочно увязло в пробках, они обменялись информацией более личного свойства, просто так, к слову. Например, они выяснили, что им двадцать девять и тридцать четыре года, а вот таксисту сорок семь.

Ресторан выбирала Анна: мой любимый ресторан, сказала она ему через плечо, открывая стеклянную дверь, и Месье усмотрел в этом знак того, что уже завоевал скромное место в ее сердце. Перед тем как войти вслед за ней в зал, Месье проверил, есть ли у него с собой сигареты, затем догнал Анну, которую метрдотель как раз пригласил к столу; держа одну руку в кармане, Месье вальяжно уселся рядом с ней и только тут понял, взглянув на метрдотеля, что ему предназначено место напротив. Тогда он встал, осторожно обогнул стол, придерживая складки брюк, и сел против Анны, наблюдавшей за ним с легким беспокойством. Затем им принесли меню. Месье чувствовал себя не слишком уютно и дергался всякий раз, когда у него за спиной открывалась дверь, при этом он слегка поворачивался на стуле и рассеянно смотрел на входящих. Так, так. Он захлопнул меню и, перегнувшись через стол, доверительно шепнул Анне Брукхардт, что из гарниров предпочитает шпинат и семга его не испортит. Все шутите, улыбнулась Анна и решила, что зубатка будет ей по зубам, если присыпать ее укропом.

Опустив голову, Месье молча ел рыбу, изредка поглядывая в окно на небольшую площадь, освещенную там и сям фонарями. Они сидели на застекленной веранде, обращенной к колоннам театра "Малый Одеон". Ресторан был тихим, вполне

симпатичным, только одно не нравилось Месье - окна на улицу, откуда прохожие наблюдали за тем, как он ест. Анна Брукхардт вела себя тактичнее и внимания на него не обращала; сидя напротив, она изящно, спокойно, неторопливыми плавными движениями отделяла от костей ломтики рыбы. Белая блузка и замшевая куртка были ей очень к лицу. На лбу у нее красовался прелестный маленький прыщик, а она-то, наверно, расстроилась, когда увидела его в зеркало.

Народу в ресторане было немного, занято столиков пять-шесть, не больше. За соседним молодая особа слушала своего любовника, судя по всему врача, впрочем, он вполне мог доводиться ей мужем; он рассуждал о проблеме "вынашивающих матерей", чрезвычайно, по его мнению, серьезной и вызывающей далеко не однозначную реакцию в обществе. По какому праву, утверждают одни, тут он положил вилку и нож на стол, общество не позволяет бездетной супружеской паре завести ребенка таким способом, если сами супруги считают его приемлемым и вынашивающая мать соглашается добровольно? Он снова ухватил вилку и нож, задумчиво что-то пожевал, и тут в ресторане разом погасли все лампы.

Вот те раз. Месье поднял голову и постарался разглядеть во мраке Анну Брукхардт. В зале все перестали есть, некоторые заерзали. Только медик, выпрямившись на стуле, несколько раз хлопнул в ладоши, да и то сдержанно, а затем продолжил свою речь об искусственном осеменении, понизив, однако, голос, будто темнота обязывала переходить на шепот. А темнота стояла непроглядная. Не только весь ресторан погрузился во мрак, но и на улице нигде не светилось ни огонька. Лишь чуть серели фасады домов, выступая из черноты площади. Прохожие растворились в ночи, фонари не горели. Вскоре метрдотель ровным, спокойным, степенным голосом, словно и не заметив случившегося, объявил, что сейчас принесут свечи. Потом он вернулся, как если бы чего-то не договорил, и позвал к телефону месье Лакоста. В глубине зала поднялась тень, ошупью выбралась из-за столика и, освещая себе путь зажигалкой, удалилась во внутренние помещения.

Месье, прильнув к стеклу, пытался разглядеть что-нибудь за окном. Кругом было черным-черно, единой мрачной глыбой высились дома. На углу, в горстке прохожих, кто-то щелкнул зажигалкой, на огонек начали собираться люди. Время от времени проезжала машина, толкая перед собой косые полосы света. Потом все снова тонуло во мраке. Будем есть десерт или я попрошу счет? - спросил Месье. Когда подали счет, он поинтересовался, позволит ли ему Анна Брукхардт заплатить за двоих или она предпочитает платить за себя сама. Ее устраивали оба варианта. Месье поразмыслил и признался, что понятия не имеет, как подобает вести себя в подобных случаях. Анна заверила его, что никаких правил на этот счет не существует.

Отлично. Ситуация, таким образом, становилась неразрешимой. Что же делать? - недоумевал Месье, опустив голову и уставившись в темноте на собственные пальцы. Анна Брукхардт, которую начинало забавлять его замешательство, повторила, что он действительно волен поступить по своему усмотрению. В конце концов Месье, не зная, на что решиться, предложил компромисс: поделить всю сумму на четыре части и самому заплатить три четверти (это самое простое, сказал он, или, по крайней мере, элегантное, с точки зрения математики).

Выйдя из ресторана, они направились в сторону Люксембургского сада и обнаружили, что электричество отсутствует во всем районе, а может, и не только в районе, но этого они видеть не могли. Тихие улочки были темны как никогда, кругом только ночь да ночь. Перед зданием Сената выделялась чернотой решетка Люксембургского сада. С тех пор как выключился свет, прошло уже минут двадцать; Анна Брукхардт и

Месье ощупью продвигались друг за другом и размышляли вслух о последствиях аварии, сочувствовали, например, тем, кто застрял в лифте (люди как- никак). Потом Месье, отстав от Анны, шагал, засунув руки в карманы, запрокинув голову и глядя в небо.

Первозданное небо, не тронутое городскими огнями.

Дойдя до площади Сен-Сюльпис, они сели на скамейку и долго сидели рядом, храня образцовое молчание. Умозрение, произнес наконец Месье, умозрение. Простите? - переспросила Анна Брукхардт, удивленная его неожиданной словоохотливостью. Да так, ничего, смутился Месье. Да нет же, вы что-то сказали, настаивала Анна. Я про умозрительный взгляд, повторил Месье. По крайней мере в науке, добавил он, чтобы быть совсем уж честным, и неопределенно махнул рукой, имея в виду и мнение Копенгагена, и всякие разные кванты. В самом деле, по утверждению Пригожина, квантовая теория разрушает представление о том, что физическое описание предмета объективно и отражает свойства системы, независимо от условий наблюдения. Да, но. Рядом с ним на скамейке, вне всяких сомнений, лежала рука Анны Брукхардт.

Месье смотрел на нее, смотрел, потом, не поднимая глаз, осторожно приподнял один пальчик, затем другой и наконец взял ее руку в свою.

Так он сидел, держа руку Анны в своей, затем, не зная, что с ней делать, аккуратно положил на скамейку. Ну что, пошли, сказал он. Они встали и побрели дальше. В квартирах на бульваре Сен-Жермен за тюлевыми занавесками передвигались тени. Кое-где в окна высовывались фигуры, освещенные горячей у них за спиной свечой. Месье и Анна Брукхардт больше не разговаривали. Они шли и шли.

Площадь Одеон укрылась тьмой, хоть глаз выколи. Здесь Месье остановился, поднял голову, вытянул руку и медленно повел пальцем от Сириуса до Альдебарана, объясняя Анне, что Одеон, в его представлении, был вот этой звездой - Альдебараном. Какой, какой? - спросила Анна. Вот, под перевернутой буквой "А", оранжеватая такая. Нет, не вижу, сказала Анна, впрочем, она его не слушала, хотя и продолжала вглядываться в небо. Неважно, сказал Месье, короче, мы пришли, и, достав из кармана зажигалку, чиркнул ею на уровне лица. Они грустно посмотрели друг другу в глаза. Анна коснулась рукой его щеки и нежно поцеловала его в темноте. Раз-два и готово. Оказывается, все совсем не так сложно.

Жизнь для Месье - детская игра.

[в начало страницы](#)

© 2001 Журнальный зал в РЖ, "Русский журнал" | Адрес для писем: zhz@russ.ru
По всем вопросам обращаться к [Татьяне Тихоновой](#) и [Сергею Костырко](#) | [О проекте](#)